

Рита Бальмина

Мы были как один народ

* * *

Я когда-то упала с небес
В лоно матери, в руки седой акушерки,
В первозданно-недевственный лес
Новой жизни, где прежние мерки
Сразу стали тесны, и удар
Был о землю не болен – и дар
Принят был без большого спасибо.
Я когда-нибудь так же красиво
От удара о рыхлую почву
Без раскаянья, грешно, порочно
Из унылого лона могилы
В мир надлунный и ангелокрылый
Унося пережитую грусть,
Вознесусь, вознесусь, вознесусь.

* * *

куришь в окно осень темно
твои уснули давно

город усталый бетон стекло
густо туманом заволокло

градус стучит по твоим вискам
виски в стакане в глазах туман

но тараканы таранят мозг
в старый подсвечник стекает воск

мертвенным грузом амбиций рать
стынет как мусор пора убрать

* * *

Век черно-белых фоток,
Век телефонных будок
Был романтично-краток –
Но забывать не будут.

Ярок он был и краток,
Майской грозе подобен,
Но по цене каратов
Камни его колдобин.

Вместе с нездешним принцем –
Levi's потертый стильно –
В будке пришлось укрыться:
Ливень был очень сильным.

Даже, не зная, кто ты,
Таяла я, как льдинка...
На потускневшем фото
Кем тебе та блондинка?

* * *

осипший голос дребезжит
пиндос кацап хохол и жид
на злобный микрофон слюна
ну на хрена

сначала ложь казенных рож
но к ним нельзя и их не трожь

под ацким сатаной страна
потом война

бежит матрос бежит солдат
рабочий тащит банкомат
на площадях аж до отрыжки
горят покрышки

пылает братской дружбы склеп
ты брат оглох или ослеп
в бронжилете перебранки
айда на танки

прощай мой незаконный брат
нам не откроют райских врат
и врать не стану мы не братья
долгой объяття

потомки не найдут в золе
когда не будет на земле
границ и виз и прочей дури
концов культуре

мы были как один народ
но сделалось наоборот

* * *

А наше братство пьяное сродни
Крылатых певчих ангелов гнездовью...
Пусть этот бред цитируют с любовью
Мемуаристы в будущие дни:
Пусть нас осудят или вознесут
На высоту, которая открылась,
Туда, где трезвых ангелов бескрылость
Куда страшней, чем Самый Страшный Суд.

Богем-кафе

Своя компания опять навеселе:
Дым, теснота, гитара, много водки,
Бальзаковского возраста красоти,
Останки изобилья на столе –
И в стельку пьян вчерашний именинник,
Которому всего полтинник.
Своя компания: имеешь право
Неверность не вменять в измену,
Мечтая о груди соседки справа –
Соседку слева гладить по колену,
И слушать споры о верлибрах Рильке
Или о ценах на жилье в Сдероте,
Вколов воображаемые вилки
В глаза длинноволосому напротив.
Своя компания. Сложенье судеб
Разделим, возведем в квадрат тоски,
Где каждый треугольник неподсуден,
И узок круг – и страшно далеки...
Виски колотит ритуальный бубен,
Очередной «Кеглевич» уничтожен.
О, Господи, как мы друг друга любим –
Мы друг без друга дня прожить не можем.

* * *

Воспоминание, как светлячок из мрака:
У нас была своя «Бродячая Собака»,
И мы в ней сами – суками и псами,
На декаданс не сдавшими экзамен.
Где вы теперь, Паллады-Саломей,
Не от добра искавшие добра?
Но веку не хватило серебра,
А потому и сравнивать не смею...
У нас была своя бродячая собака –
Теперь ее руно у мусорного бака
Для черновых, напрасных вариантов.

Нью-Йорк